

Общие проблемы
политической концептологии

**ПРОБЛЕМАТИЧНЫЙ ИНТЕРФЕЙС:
БИОЛОГИЯ И СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ¹**

В.Дж. Патцельт
Институт политических наук
Технического университета Дрездена (Германия)

Аннотация: Автор демонстрирует значимость идей биологии в политической науке не столько предметно, сколько методологически. Обращение к темам эволюции, типологии, морфологии открывает новые перспективы для сравнительной политологии. Показано методологическое сходство и параллели между сравнительной биологией и сравнительной политологией, общие принципы выявления сходств и различий между биологическими формами жизни и политическими способами организации людей. Предлагается эволюционный институционализм как подход для сложного, в том числе кроссисторического анализа.

Ключевые слова: биология, сравнительная политология, типология, морфология, эволюционный институционализм.

I. Сравнительная биология и сравнительная политология

«Сравнительная биология», позднее названная Иоганном Вольфгангом Гёте (1749–1832) «морфологией», стала ядром опубликованной в 1735 г. книги «Система природы» (Systema Natural) шведского ботаника и зоолога Карла Линнея (1707–1778). Эта книга ознаменовала собой точку отсчёта для существующего стандарта таксономии растений и животных. Постепенно возник вопрос о том, как порядок, лежащий в основе разнообразия биологических видов, разворачивался с течением времени. С появлением дарвиновской теории эволюции был получен убедительный ответ. Эта теория прояснила, как биологические структуры порядка передавались физически из поколения в поколение. А современная генетика показала, какие именно «чертежи» передаются, а также что эта передача осуществляется как случайно, так и на основе отбора. И хотя истинная природа этих «чертежей», и в особенно-

¹ Сокращённый перевод статьи Patzelt W.J. Comparative Politics and Biology. — The Handbook of Biology and Politics. — Elgar Publishing (в печати). Перевод выполнен Т.Ш. Адильбаевым. Впервые опубликовано в МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр перспект. методологий социал.-гуманит. исслед.; Ред. кол.: М.В. Ильин (гл. ред.) и др. — М., 2016. — Вып. 6: Способы представления знаний / Ред. и сост. вып. М.В. Ильин. — 368 с. ISBN 978-5-248-00797-4.

сти — их реальная эволюция оставались неизвестными Линнею и Дарвину, тем не менее они сумели дать более чем корректное описание того, как живые существа связаны друг с другом. Это тем более удивительно, что их работы основывались на «поверхностных структурах» без понимания того, как они порождаются «глубинными структурами». В итоге наша классификация растений и животных — одно из самых восхитительных достижений научной компаративистики [Riedl 2003].

К сожалению, сравнительная политология до сих пор не в состоянии разработать аналогичную стройную «систему правления» («systema regiminum»). Пока есть только попытки более или менее полной классификации политических систем и их частей — как у Лёвенштейна [Loewenstein 1957]. Но согласованный синтез отсутствует, и то же можно сказать о комплексном взгляде на включение «системы правления» в «систему культуры», а последней — в хорошо известную ныне «систему природы».

Существует несколько вполне убедительных причин такого неудовлетворительного состояния данной сферы исследований. Они включают в себя все ещё влиятельный картезианский раскол между «думающей материей» и «физической материей», стигмат социального дарвинизма у многих обществоведов, смесь антропоцентризма, «выученной некомпетентности» и непринятия «здесь и сейчас» неизменяемых свойств реального мира [Sanderson 2008: 23], а также остающееся до сих пор преимущественно метафорическим, нежели по-настоящему теоретическим, использование биологических концепций в политической науке [Somit, Watts 1994: 14–17; Watts 1994: 210–12]. И, несмотря на многочисленные дискуссии о том, как же дать достойный ответ на все эти вызовы, консенсуса все так же нет. По-видимому, в основе проблемы лежит слишком узкий взгляд на то, как биологическая и политическая наука могли бы соотноситься друг с другом. Частично это обусловлено склонностью обществоведов рассматривать социобиологию, или же эволюционную психологию, в качестве магистрального пути между биологией и их собственными областями исследования [Flohr 1994; Sanderson 2008; другие главы *The new evolutionary social science*, 2008]. Описание того, как такого рода исследования проводились в последние десятилетия, дано Джонсоном [Johnson 2011; см. также главы в *Biopolitics and the mainstream* 1994; Peterson 2011].

Положение дел в науке прекрасно изложено в обзоре «вклада биополитики в сравнительную политологию» Уоттса [Watts 1994]. Он кратко упоминает аналитический потенциал «неодарвинизма как теории систем», ссылаясь на работу «Политическое развитие и политическая эволюция» Корнинга и Хайнса [Corning, Hines 1988]. В их работе намечена «унифицированная теория сложных систем», и о политике говорится лишь в конце как о «биологическом в своей сердцевине феномене, одновременно и продукте, и причинном факторе объемлющего процесса биологической эволюции» [Ibid.: 143]. Хотя это и может быть справедливым, но такая оценка ведёт к затемнению того факта, что политика действует на «уровне реальности» с непредвиденными и не упрощаемыми свойствами². Уоттс продолжает свою рабо-

² «Слоистая структура реальности» — важная концепция для понимания того, как биология и политика соединяются друг с другом. Базовый «слой реальности» — это атомы и молекулы; следующий слой — живые существа. Некоторые их виды принадлежат слою культуры, внутри которого — поколение за поколением — рождаются новые индивиды и в котором они социализируются. Следующий слой содержит (малые) структуры социальных ролей. Некоторые из них становятся особенно устойчивыми посредством институционализации и формируют следующий слой. Наступает очередь политических режимов, империй и государств, а на вершине всего этого — система международных отношений. Низшие слои поставляют «строительный материал» или «компоненты» для каждого нового слоя. А верхние слои, однажды возникнув, накладывают ограничения на свои компоненты и направляют процесс образования будущих слоёв. Вдобавок развитие на разных уровнях (слоях) протекает с различной скоростью, что создаёт напряжение между их структурами. Подобные слоистые структуры были описаны и проанализированы в различном масштабе философом Н. Хартманном, биологом Р. Ридлом, историком-институционалистом К. Телленом, а также политологами [Patzelt 2007b: 194–193].

ту обсуждением того, как «жизнь видов на групповом уровне и политические структуры» соотносятся при возникновении государственного устройства и политической власти в эволюционной перспективе [Geiger 1985; Geiger 1988; Lewis, Steinmo 2010; Steinmo 2010], а затем следует оценка, что такие исследования «не предоставляют нам ничего другого, кроме историко-философского веберизма на дарвинистском пьедестале естественного государства» [Watts 1994: 216]. Он находит «нечто более осязаемое» в разнообразных «биополитических утверждениях о билингвизме, сексуальном равенстве и демократии» [Ibid.: 216–223] и в исследованиях о «взаимовыгодном влиянии политики и биологии друг на друга», имеющем дело с «насилием, стрессом и заболеваемостью», «политическими усилиями и управлением населением», а также «недоеданием и политическим поведением» [Ibid.: 223–230]. В заключительных замечаниях к своей работе Уоттс утверждает: «Чем ближе исследователь к биологическому контенту наук о жизни, тем сложнее непосредственно проверять политический контент; и наоборот, чем ближе к политике, тем больше соблазн рассматривать контент наук о жизни как набор предложений о природе видов или использовать эволюционную точку зрения как метафору; стало быть, существует некий эндемичный компромисс между биоэлиткой и сравнительным анализом: чем ближе на уровне человеческих индивидов мы подходим к биологическим переменным, тем дальше мы находимся от собственно сравнительного анализа» [Ibid.: 232–33].

Это воззрение можно с лёгкостью переформулировать в рамках концепции Николааса Тинбергена (1907–1988) о «непосредственном» и «окончательном» резонах поведения. Биологи обычно интересуются лишь «окончательными» резонами общих типов поведения на самых нижних уровнях социальной и культурной реальности. Тогда как политологи пытаются понять непосредственные резоны специфически политического поведения на высших уровнях политической реальности. Если более эмпирически ориентированные компаративисты анализируют институциональные условия, а более теоретически ориентированные учёные проверяют для своих моделей предпосылки о рациональном поведении одиночных или коллективных политических акторов [Schmitter 2009: 40–45], то и те и другие рассматривают биологические идеи как незначительные, раз они способны объяснить только малую часть из разнообразия интересующих их политических феноменов. Кроме того, как это отмечено и в обзоре Лоско и Бэрда: «Существенны и различные акценты в отношении временного фактора. Тогда как в эволюционной биологии объяснения через „окончательные“ резоны поведения касаются развития на протяжении многих поколений, в социальных науках „непосредственные“ резоны поведения рассматриваются на более коротких промежутках времени: будь то годы (как в истории отдельных индивидов) или мгновения (как в психологии)» [Losco, Baird 1982: 355–356]. И, как заметил однажды Э.О. Уилсон, «окончательные» биологические причины — эти «первичные двигатели эволюции» — действуют на протяжении гораздо более длительных промежутков времени, чем те, которыми интересуются социальные исследователи, в том числе и историки.

Но действительно ли существует ограничение для интеграции биологических вопросов в исследовательское «тело» сравнительной политологии? Неужели нельзя использовать хотя бы некоторые интеллектуальные инструменты биологической науки, особенно те, что предоставляют морфология и эволюционная биология? Биологические вопросы обычно рассматриваются как *тема* сравнительной политологии, т.е. как нечто выглядящее либо как причина или условие политического поведения, либо как объект политического действия. Но биологические концепции и подходы могут быть также и *ресурсом* для сравнительной политологии, своего рода набором инструментов для сравнительных исследований — будь то обобщение их выводов или по-

строение основанных на сравнении теорий [о заимствовании концепций в сравнительной политологии см.: Ross 2009]³.

II. Биополитика: Биология как тема для сравнительной политологии

Рассмотрение биологических вопросов как отдельной темы ведёт к сравнительным исследованиям в области «биополитики». Импульс к проведению такого рода исследований был дан Рудольфом Челленом [Kjellén 1917] и Морли Робертсом [Caldwell 1938] и существенно усилен авторами вроде Линтона Колдуэлла [Caldwell 1964] и Роджера Д. Мастерса [Masters 1989]. Многие (компаративистские) работы, посвящённые биополитике, в значительной степени осуществляют попытку инкорпорировать «теории и данные из наук о жизни в исследования политики, политического поведения и публичной сферы» [Liesen, Walsh 2012: 2]. Увы, порой уважение к таким работам было подорвано нацистским наследием в виде излишнего увязывания интересов в области поиска биологических основ политики с социал-дарвинистскими, евгеническими и даже расистскими концепциями народонаселения и государства. Кроме того, существуют конкурирующие значения термина «биополитика» [см. обзоры исследований: Kort 1994; Lemke 2010; Liesen, Walsh 2012].

В соответствии с первой из интерпретаций этого термина биополитика имеет дело с влиянием человеческой природы как биологического базиса объективной реальности на политическое поведение и политическую деятельность. Это было темой политической философии с самого ее зарождения и теперь может разрешаться на основе эмпирических идей из социобиологии [в качестве обзора см.: Losco 2011], эволюционной психологии [Buss 2014] и даже эволюционной этики («часть, представляющая целое» [Wilson 1992]). основополагающая идея состоит в том, чтобы взглянуть на интеракции — а не раскол — между «природой» (обычно рассматриваемой как константа) и культурным «воспитанием» (могущим варьироваться самым значительным образом).

Мастерс очертил потенциал подобного подхода следующим образом: «Человеческое поведение — продукт филогенетически отобранной информации, передаваемой посредством генов, исторически отобранной информации, передаваемой посредством языка и культурных символов, и индивидуально усвоенной на протяжении жизненного цикла информации. [...] Индивиды и общества могут вырабатывать и действительно вырабатывают новые паттерны поведения, так же как все биологические виды, включая наш собственный, вырабатывают новые физические и поведенческие черты» [Masters 1989: 135].

Для максимально полного использования этого потенциала оказалось полезным введение концепта *мема* (или *мемплекса* — как комплекса взаимосогласованных мемов), предложенного Р. Докинзом [Dawkins 1989] и разработанного С. Блэкмор [Blackmore 1999; систематическое введение с точки зрения политической науки см.: Patzelt 2015a; Patzelt 2015b]. Мем — это сокращённое наименование того, что Мастерс (в приведённой выше цитате) назвал «исторически отобранной информацией, передаваемой посредством языка и культурных символов» людьми друг другу в процессе жизни — и особенно интенсивно в период социализации и обучения.

Концепция мема позволяет легко увидеть существование не менее двух «репликаторов», задействованных в процессе выработки «новых паттернов поведения», — гена, данного

---

³ Относительно слабого влияния наук о жизни (в том числе и) на сравнительную политологию в терминах методологии см.: [Biopolitics and the mainstream 1994]. Эти авторы пишут о наблюдении, лингвистическом и психолингвистическом анализе, физиологических измерениях, времени реакции, невербальной коммуникации, психофизиологических и психофизических измерениях, однако ни словом не обмолвливаются о сравнительных методах в биологии.

природой, и собственно мема (созданного культурой) [по поводу последнего см.: Rutter 2007]. Глядя на оба «репликатора», сравнительная политология может обнаружить, какие сходства среди разнообразия политического поведения и политических систем обусловлены человеческой натурой и какие несходства обусловлены культурными и институциональными факторами, преобразующими постоянные биологические «глубинные структуры» человеческого вида в столь широко и быстро изменяющиеся «поверхностные структуры» человеческого общества.

Второе значение термина *биополитика* было предложено Мишелем Фуко и стало очень влиятельным [см. обзор: Liesen, Walsh 2012: 4–10]. В этом смысле «биополитика» отражает то, как человеческое тело и вся человеческая популяция в целом становятся базисом, ресурсом и целью политической власти (так называемая «биовласть»). В основе мышления Фуко находятся знания и власть. «Археология» знания изучает то, как социетальные властные структуры соединяются посредством дискурса со структурами знания человеческой культуры. А «генеалогия» знания изучает, как эпистемические системы трансформируются внутри социальной реальности посредством практик и институтов. Работы в этой области легко можно увязать с «меметическим» анализом культурных и социальных слоев реальности, как это и было предложено эволюционным институционализмом [см.: Patzelt 2007; Patzelt 2011; Patzelt 2014]. Так, с одной стороны, Фуко анализирует то, что можно назвать «меметической архитектурой», а с другой стороны, — он изучает те властные структуры, которые ныне носят название «эпимеметических систем». Это то самое множество социальных и политических ролей, которое создает, поддерживает и формирует верхние физические и биотические слои реальности.

В своем третьем значении *биополитика* фокусируется на том, как политика искажает биотические слои социальной реальности. Среди тем такого подхода — попытки решить глобальные экологические проблемы в терминах ориентированных на здоровье, окружающую среду и население политик для человеческой популяции [Liesen, Walsh 2012: 4, 10–12; обзор исследований см.: Masters 2001]. Имея дело с глобальной несправедливостью и (ухудшающимся) социальным обеспечением во всем мире, измеряемыми такими индикаторами, как продолжительность жизни и статус здоровья, такие исследования вдохновляются классическими задачами политической науки. Также они пересекаются с культурной антропологией, поскольку сфокусированы на политическом регулировании и действиях, имеющих отношение к биорегионализму.

В четвертом своем значении *биополитика* занимается изучением воздействия биотехнологий на воспроизводство человеческого рода, на здоровье человека и саму его жизнь, а также рассматривает вопрос о том, как люди стали объектом наук о жизни [Liesen, Walsh 2014: 4]. Такие сравнительные исследования непосредственно связаны с проблемами искусственного оплодотворения и эвтаназии, аборт и медицинского ухода за престарелыми. Эти исследования пытаются дать ответ на вопрос о том, как именно и с какими побочными эффектами подобные проблемы решаются в разных странах и в различных культурах. Причем рассматривается как политический дискурс (в рамках «биоэтики»), так и общественные практики.

Обзор литературы по всем четырем направлениям исследований в области биополитики дан в остальных главах справочника. Очевидно, что если в последних двух своих значениях «биополитика» является прикладной наукой, то первые два ее направления, напротив, фундаментальны. Таким образом, мы видим, что биология может быть не только темой сравнительной политологии, но и ее ресурсом.

III. Биология и типология

1. Преимущества и недостатки некоторых стандартных типологий

Результаты сравнительных исследований обычно бывают представлены в виде наборов свойств, типологий или классификаций. Эти разные «ярлыки» отражают различия в достигаемой степени упорядоченности. Наборы свойств, находящиеся на одном краю «континуума представлений знания», суть есть простые таблицы сопряженности двух и более переменных, отношения порядка между номинальными и числовыми значениями которых позволяют обнаруживать интересные явления. На противоположном же краю рассматриваемого «континуума» классификация располагает каждое явление в однозначно определённую для него ячейку (многомерной) матрицы, претендуя на постижение реального порядка явлений на подобие периодической таблицы химических элементов или «Системы природы». Что касается типологий, то они находятся где-то между наборами свойств и классификациями. Они выглядят как наборы свойств, но либо включают в себя кластеры действительно существующих в природе случаев в виде «реальных типов» (что представляет собой «реальную типологию»), либо предполагают наличие «идеальных типов». Последние являются комбинациями (экстремальных или, наоборот, наиболее частых) значений базовых для типологии переменных, созданными и используемыми в качестве отправных точек для дальнейших (сравнительных) исследований.

Преимущества и недостатки указанных типологий могут быть про-иллюстрированы следующими тремя примерами.

Широко известная типология политических режимов Аристотеля различает «хорошие» и «плохие» формы правления и таким образом определяет две строки матрицы. Количество тех, кто находится у власти (один человек, несколько или множество), задаёт три столбца, и таким образом мы получаем схему из шести типов, варьирующихся от монархии (хорошее правление и один человек у власти) до охлократии (плохое правление и множество людей у власти). Следующая за такой типологией идея — расположить все режимы в данной матрице (т.е. соотнести реальные режимы с идеальными типами) и исследовать процесс эволюции режимов, пытаясь обнаружить «конституционные циклы». Начиная с работы Полибия (200–118 гг. до н. э.), это представляет собой основополагающую идею «теории развития» в сравнительной политологии. Хотя до сих пор остаётся открытым вопрос о том, определяются ли движущие силы «эволюционной динамики» политических режимов собственно политикой или они являются частью более общего паттерна взаимодействия людей с процессами, конструирующими реальность, и их результатами.

Едва ли менее известной является типология политических культур, предложенная Габриэлем Алмондом и Сиднеем Верба [Almond, Verba 1989]. Они различают три типа политической культуры (парохиальную, подданническую и участническую), основывающиеся одновременно на отношении людей к политике и на форме их политического участия. Нации или регионы могут быть отнесены к конкретному типу политической культуры посредством измерения их характеристик с помощью определённых хорошо операционализируемых переменных. Множественная корреляция и окончательное объяснение возможны благодаря использованию «типов политической культуры» как независимых, промежуточных или зависимых переменных соответственно. Здесь мы оказываемся безо всяких предположений относительно того, как «культурные циклы» трансформируют эти типы, какие силы движут этими циклами, а также как эти циклы и их возможные движущие силы встраиваются в общий паттерн культурной эволюции.

В исследованиях органов законодательной власти (легислатур) классической является типология, предложенная Майклом Мези [Mezey 1979]. Он рассмотрел пять типов легисла-

тур, используя матрицу размером 2 x 3. Ее строки определяются политической силой легислатуры (сильная, средняя, слабая), а столбцы — тем, пользуется ли легислатура большей или меньшей публичной поддержкой. Пользующиеся большей поддержкой легислатуры делятся на «активные», «реактивные» и «минимальные» в зависимости от их политической силы. Пользующиеся меньшей публичной поддержкой легислатуры бывают либо «уязвимыми», либо «маргинальными» в зависимости от того, можно ли их считать «средними» или же «слабыми». Ячейка, соответствующая случаю «политически сильная легислатура со слабой публичной поддержкой», остаётся пустой, поскольку данный случай считается «эмпирически невозможным». Но является ли публичная поддержка единственным источником власти легислатуры? Пусть даже в додемократических обстоятельствах? Или же додемократические легислатуры (вроде советов священнослужителей или ассамблей землевладельцев) следует исключить из рассмотрения? Но есть ли для этого достаточные основания?

Все эти широко используемые типологии основаны на строго классифицированных переменных, отражающих аналитическую перспективу исследователя и относящих группы явлений к чётко определенным типам. Однако все эти явления изображены с точки зрения внешней перспективы и — соответственно — не в естественном, а в индуцированном порядке, будучи сгруппированными без проявления заботы о том, как эти явления социально обусловлены и определены взаимодействием внутренних и внешних факторов. Это позволяет говорить о таких типологиях как о своего рода «капризах», отражающих скорее интеллектуальные предпочтения их авторов, нежели реально изучаемые явления. Как следствие, различные типологии могут быть вызваны к жизни сходными побудительными мотивами, обусловленными больше (изменчивой) теоретической модой, чем (обычно гораздо менее изменчивыми) структурами и процессами объективной реальности, которыми в первую очередь и интересуется сравнительная политология. Очевидно, что мост между теорией и ее объектом пока построен лишь со стороны теории — посредством рассмотренных типологий. И порой результаты выглядят как биологическая классификация животных с помощью матрицы, в которой строки отражают среду обитания, а столбцы — число конечностей.

Однако Линней, разрабатывая свою плодотворную «систему природы» в первой половине XVIII в., не пытался «навязывать теорию природе». Гораздо больше он был заинтересован в обнаружении и распознавании паттернов, в выявлении структур порядка такими, каковы они на самом деле. Он преуспел в этом своем начинании даже без ясного понимания происхождения этого порядка, не имея возможности дать ему корректное объяснение (как это смогла сделать эволюционная теория гораздо позднее) и полностью игнорируя генетические механизмы процесса эволюции. Движимый не «конструктивистским» подходом, он не разработал «одну из возможных» типологий, а был достаточно гениален для того, чтобы найти ключ к пониманию происходящего «на самом деле». Именно таким образом он открыл путь для корректного объяснения того, как возникло биологическое разнообразие.

Сравнительная политология все ещё далека от подобных достижений. Наряду с до сих пор используемой аристотелевской типологией политических режимов мы находим разные другие типологии, различающие автократии, «гибридные режимы» и демократии [подробности см.: Merkel 2010]. Что касается политической культуры, то и в этой области у типологии Алмонда и Верба есть конкуренты. Например, Аренд Лейпхарт [Lijphart 1969] сопоставил массовую политическую культуру с элитарной, одновременно проведя различие между «коалиционной» и «контрадиктивной» культурами. Подобное же положение дел может быть обнаружено и в исследовании легислатур. Так, легислатуры зачастую отличают от парламентов, располагающих исключительным правом создавать и распускать правительства. Ассамблеи классифицируются как «дебатирующие» и «работающие». Предпринимались также попытки типологизации представительных органов в соответствии как с их «руководящими идеями», так и с возникающими функ-

циональными вызовами [Patzelt 2007 a]. В итоге можно говорить о свободе выбора в разработке какой угодно типологизации в сравнительной политологии, оставляя открытым вопрос о том, насколько верными могут быть выявленные корреляции и предложенные объяснения сравнительных исследований в зависимости от произвола при отнесении явлений к предельному типу.

2. Морфология и построение типологий

Биология сумела отыскать выход из исследовательского тупика с помощью морфологии (пусть даже и не вполне завершённой) в качестве главного метода сравнительных исследований [выдающийся пример см.: Remane 1956]. Лингвистика присоединилась к биологии, явным образом используя идею морфологии [Matthews 1991]. Под различными «ярлыками» то же самое было сделано и в работах по истории архитектуры, живописи, музыки и поэзии. Основной идеей всех этих начинаний было привести диахронический элемент в сравнительный анализ, но не конструируя нарративы, а рассматривая изменение паттернов во времени. Сюда относятся исследования того, как паттерны создаются и поддерживаются, модифицируются в процессах передачи посредством традиции и заимствования, подвергаются воздействию изменяющихся обстоятельств с различными шансами на то, чтобы считаться «привлекательными» или «полезными», и потому имеют неустойчивые возможности для воспроизводства и распространения. Следуя этому пути, морфология становится не чем иным, как *сравнительным анализом с эволюционной точки зрения*.

Работая с такими концептами, как гомодинамия, гомология, аналогия и др., морфология не предоставляет готовые типологии и классификации. Она лишь предлагает мощные инструменты для обнаружения скрытого порядка и разработки порядковых схем. Особая ценность морфологии для сравнительной политологии заключается в возможности увязать «гипотетический, воображаемый порядок» с «методологически наблюдаемым порядком» и максимально приблизить сконструированные с помощью интеллекта типологии к реально существующим порядковым структурам. Таким образом, морфология может охватывать порядковые структуры на всех уровнях реальности — от биологического до политического — и тем самым способна соединить биологические исследования с политической наукой без намека на редукционизм.

При использовании соответствующего инструментария морфологическое исследование идёт по следующему пути (методологические и терминологические пояснения — [см.: Patzelt 2013: 1014]):

- определение диапазона структур, «отношения порядка» в которых требуется изучить. В сравнительной политологии специфические институты (такие как партии, парламенты, администрации, армии и т. д.) и отдельные культурные формы (такие как переговоры, конкуренция, разделение властей, подотчётность правительства и т.д.) кажутся наиболее подходящими объектами для морфологического анализа;

- приближение к сравниваемым явлениям посредством сбора данных о цепочках меметической репликации, о процессах адаптации к изменениям окружающей среды и о «биополитических» основах поведения;

- попытки распознавания паттернов с использованием следующих «повышающих чувствительность» концептов: гомодинамия и гомономия, аналогия, гомология и гомоаналогия, мозаичная и параллельная эволюция, слоистые структуры и функциональные цепочки, культурная и институциональная архитектуры;

- подготовка создания типологии в процессе работы над следующими задачами: идентификация гомодинамии в кейсах, подвергающихся сравнению, и «откладывание их в сторону»; идентификация гомологий и «откладывание их в сторону»; идентификация аналогий в

оставшемся множестве сходств посредством анализа обменных процессов между подвергающимися сравнению структурами и уместной для них окружающей средой;

- построение типологии в трех измерениях: гомодинамических, гомологических и аналогических сходств. При графическом отображении гомоанalogии должны быть размещены в центре любой визуализации, а кейсы должны быть упорядочены так, чтобы раскрываемые паттерны и кластеры были легко узнаваемы;

- при объяснении паттернов, отображаемых в такой типологии, возможно использование теорем из теории мемов и эволюционного институционализма.

Примеры таких исследований есть в следующих работах: [Patzelt 2007 a; Patzelt 2012; Heer 2015]. Впоследствии возможны априорные оценки планируемых или даже просто мыслимых институциональных реформ [см.: Lempp 2007]⁴. Разумеется, создание типологий по этому сценарию не является олицетворением «биологического подхода» само по себе. Сравнительная политология может только использовать инструмент, чрезвычайно успешный в биологии. Но нам в связи с этим представляется весьма примечательным, что биологи для достижения своих научных целей заимствовали те герменевтические навыки, которыми так славятся гуманитарные науки.

IV. «Большая теория», основанная на сходстве биологических и политических процессов

1. В поисках общей концепции для общих процессов

Ещё более амбициозны, по сравнению с биополитикой и морфологией, попытки обнаружить идентичные процессы и изоморфные структуры в слоях реальности. В основе таких попыток лежит эволюционная теория, хотя, как отмечают некоторые исследователи, политическая наука пока сильно отстаёт в ее использовании от других социальных наук. Такую, вышедшую за пределы биологии, «общую эволюционную теорию» считают применимой ко всем уровням реальности. Она по необходимости включает в себя генетическую и меметическую репликацию, внутренний и внешний отбор, приспособленность и другие концепты, позволяя анализировать многоуровневый отбор и совместную эволюцию институтов путём сравнения в рамках одной теории.

Подобный подход, ставящий политическую науку на биологический фундамент, был применён Боари [Boari 2006]. Вдохновленный примером социобиологии, он выбрал концепцию приспособленности, определённую им как репродуктивный успех. Тем самым он увязал важную для политической теории Гоббса категорию самосохранения с центральной темой политической науки — властью: в понимании Боари увеличение приспособленности одного индивида происходит за счёт снижения приспособленности другого, что является неизменной целью политического поведения, а значит — и главной темой политического анализа. Неудивительно мнение Боари о том, что политическая наука является частью более общей «политической биологии».

---

⁴ Боари в своей работе [Boari 2006] приходит к аналогичному заключению. По его мнению, «эволюционные исследования» способны привнести лучшие из возможных идей при условии, что они выполнены в сравнительной перспективе и с охватом трех различных уровней реальности: «биолого-политического интерфейса» (что охватывается биополитикой), «межличностной политики» и «системной политики»; в последнем случае «происходит наложение на обычную политическую теорию, но оно легко устраняется встраиванием последней в политику биологии» [Boari 2006: 72]. Как результат такой работы возможна «классификация политических режимов, не зависящая от каприза исследователя», что всяко лучше обычных «типологий», в которых «основанные на капризе исследователя метафизические предпочтения относительно сущности политики <...> ведут к появлению недостаточно объективных классификаций политических режимов» [Ibid.].

Другим автором, развивающим подобную идею, является Лэйн. В своей работе [Lane 2008] он утверждает, что со времён зарождения цивилизации человечество было свидетелем успеха политических систем — вплоть до триумфа современной демократии. Поиск причин этого успеха подводит Лэйна непосредственно к эволюционной теории: для политических систем тоже можно и нужно найти механизм, подобный борьбе за выживание в биологической эволюции или эффективности в эволюции экономических институтов. В поисках этого механизма Лэйн вспоминает концепции классиков — Гоббса и Локка, — а также проводит параллели в системном развитии античных городов-государств и современных международных режимов, однако собственно эволюционная теория в его рассуждениях отсутствует.

Аксельрод в своих работах [Axelrod 1981; Axelrod 1986] соединяет принципы эволюционной биологии с теорией игр, предлагая категории для сравнительного анализа процесса кооперации эгоистичных индивидов и механизмов поддержания в силе сформировавшихся норм. Альфорд и Хиббинг [Alford, Hibbing 2004] продолжают это начинание, формулируя «эволюционную теорию политического поведения», вполне пригодную для дальнейшего развития в рамках сравнительной политологии.

Другие исследователи — Лизен и Уолш [Liesen, Walsh 2012: 8] — говорят о том, что с точки зрения биополитики поле деятельности эволюционной истории состоит в изучении процессов выживания и размножения человеческих индивидов в терминах не только психологии, но и социального и политического поведения. Тем самым сравнительная политология находит свои объекты в многоуровневой структуре реальности на уровнях, находящихся выше уровня индивидов, в особенности — на уровне организаций и институтов, в число которых входит и государство. Влияние биологических факторов на эти социальные и политические структуры невелико: гены лишь формируют человеческий «строительный материал» для более сложных социальных структур. Поэтому на социокультурных уровнях реальности мемы и мемплексы имеют определяющее значение. Комбинируя эти две концепции — генов и мемов — при сравнительном исследовании разных уровней реальности, можно попробовать ликвидировать пресловутый «картезианский разрыв», заодно используя преимущества «чисто биологического» и «чисто культурологического» подходов. Пока же проблема заключается в том, что биологи смотрят «снизу вверх», а политологи — «сверху вниз»: первые — с самого нижнего, генетического уровня, а вторые — с самого верхнего, институционального. Отсюда и заблуждения, вроде уподобления биологами государства пчелиному рою или попыток политологов представить политические структуры в виде организмов. Возникающие таким образом практически бесплодные метафоры следовало бы заменить работающей междисциплинарной теорией наподобие обобщённой эволюционной.

2. Кроссисторическая сравнительная политология

Веками ощущавшуюся необходимость в интегрированной теории исторических процессов в разные эпохи временно удовлетворяли теория конституционных циклов Полибия, исторический материализм, а также различные варианты модернизационной теории, обычно делавшие историю общества на «до» и «после».

Другое семейство теорий процессов трансформации — особенно полезное для сравнительных исследований — являет собой так называемый исторический институционализм [см.: Thelen 1999; Thelen 2009; Steinmo 2002]. Он не преследует цели ни проанализировать специфические исторические процессы, ни тем более — предсказать будущее. Напротив, ключевой проблемой является понимание в общих терминах того, как протекают процессы с «открытым окончанием». Соответственно, выводы носят характер вневременной систематики с компаративистской точки зрения, а ключевыми концептами являются «зависимость от

траектории», «критический момент», «прерывистое равновесие» и другие. В некоторых работах по историческому институционализму эволюция понимается как последовательное развитие без революционных скачков, но в большинстве исследований дальше метафоры дело и вовсе не идёт.

В последнее десятилетие далеко идущие общие теории развития любого институционального порядка формулировались под маркой «эволюционного институционализма». Такое ощущение, что последний собрал в себе все высказанные нами выше рекомендации по «наведению мостов» между биологией и сравнительной политологией.

3. Эволюционный институционализм

Институты составляют «ядро» социальной реальности и политического порядка, располагаясь между микро- и макроуровнями. Институты — это множество формальных и неформальных правил, предполагаемое соблюдение которых формирует стабильные взаимодействия. Иерархически упорядоченный набор ролей и правил зачастую достаточно глубоко укоренён в эмоциональной составляющей человеческой природы. И поскольку правила и роли институтов — формальных и неформальных — могут практиковаться вовлечёнными в этот процесс людьми с различными навыками и устремлениями, то на практике получают различные же девиации общей институциональной формы.

«Институциональное поколение» представляет собой группу новичков, приобщающихся к институту и воспринимающих его правила и роли посредством обучения и / или социализации. Тем самым поддерживается существование института, и однажды вчерашние новички передадут новому «институциональному поколению» усвоенные мемы и мемплексы, вокруг которых и сформировался когда-то институт, очевидно зависящий лишь от небольшого числа активных «членов», но не от какого-то отдельного индивида. Такое понимание «институционального поколения» является существенным для эволюционного институционализма, не оперирующего терминами вроде «фаз» или «стадий» в истории институтов. Скорее он уподобляет институты биологическому виду (но не отдельному организму!), и «члены» института тогда становятся «особями вида».

Такая концепция поколения позволяет использовать весь инструментарий эволюционной теории. Необходимо только перейти с «языка генов» на «язык мемов», чтобы не пришлось, как это делают до сих пор в некоторых исследованиях, говорить об «институциональных генах».

Институциональная эволюция основывается на передаче тех мемов, которые воспроизводят и сохраняют институт на протяжении поколений. И соответствующий эволюционный алгоритм выглядит следующим образом.

- Как только мем или мемплекс были симитированы, выучены или воспроизведены согласно правилам, может произойти изменение.

- Не все изменения имеют одинаковые шансы на сохранение или даже на какое-либо дальнейшее влияние. Напротив, происходит отбор, и сохранившиеся изменения можно назвать «институциональными мутациями».

- Что касается внутренних факторов отбора, то наибольшие шансы на сохранение — у тех изменений, которые приспособлены к существующей институциональной структуре. Случайные мутации в фундаментальной структуре института маловероятны, тогда как поверхностные структуры подвержены им гораздо больше. Соответственно, либо возникают новые уровни «надстройки», либо создаются новые связи между существующими элементами, и тем самым мутации могут задавать траектории будущих изменений.

- Что же касается внешних факторов отбора, то сохраняются лишь те изменения, которые не нарушают устоявшиеся «симбиотические» связи между институтом и его внешней средой либо нишей (последняя есть часть первой). Изменения, функционально полезные или хотя бы нейтральные, имеют больше шансов на сохранение. Но и даже если изменение приводит к утрате части ресурсов, важных для института и его членов, оно может сохраняться до тех пор, пока утраченные ресурсы адекватно компенсируются.

Результатом такого двухшагового селекционного процесса являются асимметричная институциональная архитектура и зависящее от траектории дальнейшее развитие института. Его типичная структура состоит из относительно старых — базовых — уровней, являющихся «несущей конструкцией» для относительно новых уровней, зависящих от поддержки «снизу». Соответственно, изменения в верхней части такой «конструкции» имеют больше шансов на приспособление ко всей структуре института, нежели изменения в «фундаменте». Кроме того, изменения в «надстройке» лучше проходят процедуру внутреннего отбора по сравнению с изменениями в нижней части «конструкции» института. Это явление известно под названием «структурной инерции». На языке функций то же можно сказать по-другому: в основе любого института лежат базовые функции, от выполнения которых зависит «жизнеспособность» остальных функций. Поэтому институт можно представить как связку функциональных цепочек. Соответственно, изменения на дальних концах таких цепочек сохраняются с большей вероятностью, нежели изменения в «точках крепления» таких цепочек. В такой формулировке можно говорить о «функциональной инерции».

Разговор об инерции — это всего лишь другой способ сказать о разных скоростях изменения. Очевидно, что на самых нижних уровнях политического порядка, больше зависящих от человеческой природы, изменения либо протекают очень медленно, либо вообще не происходят. На более высоких уровнях процесс идёт уже гораздо быстрее. И наивысшую скорость изменения демонстрируют там, где нет ни природной, ни институциональной обусловленности: мемы там текут подобно электронам в проводнике под электрическим напряжением.

Функциональные требования к системе, определяемые ее окружением или нишей, изменяются самым случайным образом. Поэтому асимметрия функциональных цепочек не обязательно ведёт к зависящему от траектории развитию в той же мере, что и асимметрия структурных уровней. Но поскольку функции выполняются элементами структуры, то имеет место важный эффект взаимодействия — как между внутренними и внешними селекционными факторами, так и между обеими формами институциональной асимметрии. Другой важный эффект от двойной асимметрии структурных пластов и функциональных цепочек состоит в том, что не все изменения имеют одинаковые априорные шансы на сохранение. Напротив, более определённая траектория развития системы является и более вероятной. Отсюда и так часто наблюдаемые в истории «прямо протекающие процессы». По этой же причине и не все мыслимые варианты будущего действительно достижимы, а раз так, то даже самые могущественные правительства оказываются не в состоянии осуществить желаемые институциональные изменения, как мы это и наблюдаем в реальности.

Эволюционный механизм, скрывающийся за всеми паттернами институциональной истории, свидетельствует об отсутствии «божьего промысла». Нет никакой гарантии того, что будущие случайные изменения во внешней по отношению к институту среде получат адекватный ответ в процессе собственного развития института. Его приспособление может воспроизводиться вновь и вновь — коль скоро институт обладает достаточным количеством «степеней свободы». Но это не значит, что так будет происходить всегда. На деле мы видим, что некоторые институты могут зайти в своем развитии в тупик, а другие доходят до полного саморазрушения.

Возникает вопрос: может ли институт научиться улучшению своей формы или поддержанию своей приспособленности? Иногда это происходит намеренно, даже вопреки ожиданиям участников процесса. Критически важно то, что внешнее окружение института может самым кардинальным способом изменить возможные пути развития. И то, что вчера казалось оскудением ресурсов, завтра может стать новым шансом для дальнейшего развития. И тогда образуются новые структурные элементы поверх старых, либо старые элементы — под давлением изменившихся функциональных требований — начнут выполнять новые задачи. Таким образом институт может сохранять значительную часть своей архитектуры, тогда как ее элементы, постепенно изменяясь, сделают очевидным тот факт, что этот институт функционирует уже по-другому. И коль скоро институт работает эффективно, достигая поставленных целей в заданных условиях, то у кого-нибудь может возникнуть соблазн воспроизвести его в другой «окружающей среде». Именно так и происходят импорт и экспорт «институциональных чертежей». И мемы, как выясняется, могут перемещаться не только «вертикально» — от предыдущего поколения к последующему, но и «горизонтально» — между разными обществами и культурными контекстами. Наблюдая подобные процессы, мы сталкиваемся с известной проблемой Гальтона в области сравнительных исследований [см.: *Studies in cultural diffusion* 1974], при этом располагая удобным инструментарием морфологического анализа.

Патцельт В.Дж. 2014. Прочтение истории: очерк эволюционной морфологии. — *МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр перспективных методологий социально-гуманит. исследований.* — Вып. 4: Поверх методологических границ.

Alford J.R., Hibbing J.R. 2004. The origin of politics: An evolutionary theory of political behavior. — *Perspectives on politics.* — Vol. 2. — № 4.

Alford J.R., Funk C.L., Hibbing J.R. 2005. Are political orientations politically transmitted? — *American political science review.* — Vol. 99. — № 2.

Almond G.A., Verba S. 1989. *The civic culture. Political attitudes and democracy in five nations.* — Newbury Park: Sage.

Anderson C.J. 2009. Macropolitics and microbehavior in comparative politics. — *Comparative politics. Rationality, culture, and structure.* — Cambridge: Univ. press.

Axelrod R. 1981. The emergence of cooperation among egoists. — *American political science review.* — Vol. 75. — № 2.

Axelrod R. 1986. An evolutionary approach to norms. — *American political science review.* Vol. 80, № 4.

Blackmore S. 1999. *The Meme Machine.* — Oxford: Oxford univ. press.

Blondel J. 2005. The central role of comparative politics in political analysis. — *Scandinavian political studies.* — Vol. 28.

Boari M. 2006. Fitness extraction and the conceptual foundations of political biology. — *Politics and the life sciences.* — Vol. 24. — № 1–2.

Buss D.M. 2014. *Evolutionary psychology: the new science of the mind.* — Harlow: Pearson.

Caldwell L. 1964. Biopolitics: Science, ethics, and public policy. — *The Yale review.* — Vol. 54.

Collier D. 1993. The comparative method. — *Political science: The state of the discipline II.* — Washington, D.C.: American Political Science Association.

Corning P.A., Hines S. jr. 1988. Political development and political evolution. — *Politics and the life sciences.* — Vol. 6.

- Dawkins R. 1989. *The selfish gene*. — Oxford: Oxford univ. press.
- Dennett D. 1996. *Darwin's Dangerous idea. Evolution and the meanings of life*. — N.Y.: Simon and Schuster.
- Demuth C. 2007. Institutionelles Lernen. Der Deutsche Bundestag als Beispiel. — *Evolutorischer Institutionalismus. Theorie und empirische Studien zu Evolution, Institutionalität und Geschichtlichkeit*. — Würzburg: Ergon.
- Flohr H. 1994. Political sociology in biocultural perspective. — *Biopolitics and the mainstream: contributions of biology to political science*. — L.: JAI Press.
- Geiger G. 1988. On the evolutionary origins and function of political power. — *Journal of social and biological structures*. — Vol. 11.
- Geiger G. 1985. The Concept of Evolution and Early State Formation. — *Politics and the life sciences*. — Vol. 3.
- Heer S. 2015. *Herausbildung parlamentarischer Steuerungsstrukturen im deutschen Parlamentarismus seit 1871*. — Düsseldorf: Droste.
- Jervis R. 1997. *System effects: Complexity in political and social life*. — Princeton: Princeton univ. press.
- Johnson G.R. 2011. Politics and the life sciences. An unfinished revolution. — *Politics and the life sciences*. — Vol. 30. — № 2.
- Kersbergen K. van. 2010. Comparative Politics. Some points for discussion. — *European political science*. — Vol. 9.
- Kjellén R. 1917. *Der Staat als Lebensform*. — Leipzig: Hirzel.
- Kort F. 1994. A biobehavioral approach to law as a component of political processes and institutions. — *Biopolitics and the mainstream: contributions of biology to political science*. — L.: JAI Press.
- Laitin D.D. 2002. Comparative politics: The state of the subdiscipline. — *Political science: The state of the discipline*. — N.Y.: Norton.
- Lane J.-E. 2008. Regime fitness. On the survival of politics. — Lane J.-E. *Comparative politics. The principal-agent perspective*. — L.: N.Y.: Routledge.
- Lemke T. 2010. From state biology to the government of life: Historical dimensions and contemporary perspectives of 'biopolitics'. — *Journal of classical sociology*. — Vol. 10.
- Lempp J. 2007. Ein evolutionstheoretisches Modell zur Analyse institutioneller Reformen. — *Evolutorischer Institutionalismus. Theorie und empirische Studien zu Evolution, Institutionalität und Geschichtlichkeit*. — Würzburg: Ergon.
- Lempp J., Patzelt W.J. 2007. Allgemeine Evolutionstheorie. Quellen und bisherige Anwendungen. — *Evolutorischer Institutionalismus. Theorie und empirische Studien zu Evolution, Institutionalität und Geschichtlichkeit*. — Würzburg: Ergon.
- Lewis O., Steinmo S. 2010. Taking evolution seriously in political science. — *Theory in Biosciences*. — Berlin.
- Lichbach M.I., Zuckerman A.S. 2009. Paradigms and pragmatism. Comparative politics during the past decade. — *Comparative politics. Rationality, culture, and structure*. — Cambridge: Univ. press.
- Liesen L.T., Walsh M.B. 2012. The competing meanings of «biopolitics» in political science. Biological and postmodern approaches to politics. — *Politics and the life sciences*. — Vol. 31. — № 1–2.
- Lijphart A. 1969. Consociational democracy. — *World politics*. — Vol. 21. — № 2.
- Loewenstein K. 1957. *Political power and the governmental process*. — Chicago: Chicago univ. press.

Lorenz K. 1974. Analogy as a source of knowledge. — *Les Prix Nobel en 1973*. — The Nobel Foundation, 1974. — Mode of access: <http://www.nobel.se/medicine/laureates/1973/lorenz/lecture.pdf>. — Accessed: 25.08.2015.

Losco J. 2011. From outrage to orthodoxy? Sociobiology and political science at 35. — *Politics and the life sciences*. — Vol. 30. — № 1.

Losco J., Baird D.D. 1982. The impact of sociobiology on Political Science. — *American behavioral scientist*. — Vol. 25. — № 3.

Masters R.D. 1989. *The nature of politics*. — New Haven, CT: Yale univ. press.

Masters R.D. 2001. Biology and Politics: Linking Nature and Nurture. — *Annual review of political science*. — Vol. 4.

Matthews P.H. 1991. *Morphology*. — 2nd ed. — Cambridge: Cambridge univ. press.

Merkel W. 2010. *Systemtransformation. Eine Einführung in die Theorie und Empirie der Transformationsforschung*. — Wiesbaden: VS-Verlag.

Morris I. 2011. *Why the West rules — for now. The patterns of history and what they reveal about the future*. — L.: Profile Books.

Mezey M. 1979. *Comparing legislatures*. — Durham: Duke univ. press.

The new evolutionary social science. 2008. *The new evolutionary social science. Human nature, social behavior, and social change*. — Boulder; L.: Paradigm Publishers.

Evolutorischer Institutionalismus 2007. *Evolutorischer Institutionalismus. Theorie und empirische Studien zu Evolution, Institutionalität und Geschichtlichkeit*. — Würzburg: Ergon.

Patzelt W.J. 2007a. Grundriss einer Morphologie der Parlamente. — *Evolutorischer Institutionalismus. Theorie und empirische Studien zu Evolution, Institutionalität und Geschichtlichkeit*. — Würzburg: Ergon.

Patzelt W.J. 2007b. *Perspektiven einer evolutionstheoretisch inspirierten Politikwissenschaft* *Evolutorischer Institutionalismus. Theorie und empirische Studien zu Evolution, Institutionalität und Geschichtlichkeit*. — Würzburg: Ergon.

Patzelt W.J. 2010. Evolutionstheorie als Geschichtstheorie. Ein neuer Ansatz historischer Institutionenforschung. — *Der Mensch: Evolution, Natur und Kultur. Beiträge zu unserem heutigen Menschenbild*. — Heidelberg u.a.: Springer.

Patzelt W.J. 2011. «Blueprints» and Institution-Building. Former East Germany and its present state parliaments as a case in point. — *Journal of East European and Asian Studies*. — Vol. 2/1. — Special Issue: Democratic Institutionalism.

Parlamente und ihre Evolution 2011. *Parlamente und ihre Evolution. Forschungskontext und Fallstudien*. — Baden-Baden: Nomos.

Patzelt W.J. 2013. The 'inner side of order': homodynamy, homology, and analogy as keys to the analysis of (digital) pattern transmission and reality construction: Paper presented at the panel «Morphology as Comparative Analysis of (digitally induced) Social Transformations». — *World Social Science Forum*. — Montreal.

Patzelt W.J. 2015a. Was ist Memetik? — *Die menschliche Psyche zwischen Natur und Kultur*. — Lengerich: Pabst Science Publishers.

Patzelt W.J. 2015b. Der Schichtenbau der Wirklichkeit im Licht der Memetik. — *Die menschliche Psyche zwischen Natur und Kultur*. — Lengerich: Pabst Science Publishers.

Biology and politics 2011. *Biology and politics: the cutting edge*. — Bingley: Emerald.

Peterson S.A., Somit A. 1994. Research methods derived from the life sciences: An introduction. — *Biopolitics and the mainstream: contributions of biology to political science*. — L.: JAI Press.

Remane A. 1956. *Die Grundlagen des natürlichen Systems, der vergleichenden Anatomie und der Phylogenetik, Teil 1: Theoretische Morphologie und Systematik*. — Leipzig: Geest und Portig.

Riedl R. 1003. *Riedls Kulturgeschichte der Evolutionstheorie. Die Helden, ihre Irrungen und Einsichten.* — Berlin: Springer.

Roberts M. 1938. *Biopolitics: An Essay in Physiology, Pathology, and Politics of the Social and Somatic Organism.* — L.: J.M. Dent.

Ross F. 2009. Degrees of disciplinarity in comparative politics: interdisciplinarity, multidisciplinary and borrowing. — *European political science.* — Vol. 8.

Rutter M. 2007. *Genes and behavior: nature-nurture interplay explained.* — Malden, MA: Blackwell.

Sanderson S.K. 2008. The impact of Darwinism on Sociology. An historical and critical overview. — *The new evolutionary social science. Human nature, social behavior, and social change.* — Boulder; L.: Paradigm Publishers.

Sartori G. 1991. Comparing and miscomparing. — *Journal of theoretical politics.* — Vol. 3. — № 3.

Studies in cultural diffusion 1974. *Studies in cultural diffusion: Galton's problem.* — New Haven: Human Relations Area Files.

Schmitter Ph.C. 2009. The nature and future of comparative politics. — *European political science review.* — Vol. 1. — № 1.

Smirnov O. 2007. Altruistic punishment in politics and life sciences: Climbing the same mountain in theory and practice. — *Perspectives on politics.* — Vol. 5. — № 3.

Biopolitics and the mainstream 1994. *Biopolitics and the mainstream: contributions of biology to political science.* — L.: JAI Press.

Somit A., Watts M.W. 1994. Biology and politics: Political, practical, and philosophical issues. — *Biopolitics and the mainstream: contributions of biology to political science.* — L.: JAI Press.

Steinmo S. 2002. *Structuring politics. Historical Institutionalism in comparative analysis.* — Cambridge: Cambridge univ. press.

Steinmo S. 2010. *The evolution of modern states. Sweden, Japan, and the United States.* — N.Y.: Cambridge univ. press.

Sturgis P., Read S., Hatemi PK., Zhu G., Trull T., Wright M.J., Martin N.G. 2010. A Genetic Basis for Social Trust? — *Political behavior.* — Vol. 32.

Thelen K. 1999. Historical institutionalism in comparative politics. — *The annual review of political science.* — Vol. 2.

Thelen K. 2009. How Institutions Evolve. Insights from comparative-historical analysis. — *Comparative historical analysis in the social sciences.* — Cambridge: Cambridge univ. press.

Watts M.W. 1994. Biopolitical contributions to comparative politics. — *Biopolitics and the mainstream: contributions of biology to political science.* — L.: JAI Press.

Wilson J.Q. 1992. Presidential address: The moral sense. — *American political science review.* — Vol. 87. — № 1.